
**ЭКСКЛЮЗИВНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА**

АЛЕКСЕЙ ЧАПЫГИН

ГУЛЯЩИЕ ЛЮДИ

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6

Ч-19

Серия «Эксклюзивная историческая книга»

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

Чапыгин, Алексей Павлович

Ч-19 Гулящие люди: роман / Алексей Чапыгин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 704 с. — (Эксклюзивная историческая книга).

ISBN 978-5-17-192724-0

Роман «Гулящие люди» — масштабное историческое повествование о России XVII века, времени, которое современники называли «бунташным». Автор с документальной точностью воссоздает не только ключевые события эпохи — Медный бунт, церковный раскол, восстание Степана Разина, — но и повседневный уклад, бытовые детали, нравы и язык допетровской Руси.

В центре романа — судьба стрелецкого сына Семена Лазарева, одного из тех, кого на Руси называли «гулящими людьми», то есть вольными, ни к службе, ни к податям не приписанными. Его жизнь проходит на фоне реальных исторических событий, а среди его современников — царь Алексей Михайлович, патриарх Никон, протопоп Аввакум, бунтарь Степан Разин.

Роман ценен не столько сюжетными перипетиями, сколько живым и достоверным изображением эпохи. «Гулящие люди» — одно из ключевых произведений русской исторической прозы XX века, обращенное к вечным вопросам: о правде и справедливости, о вере и бунте, о свободе и ее цене.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-192724-0

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАЧАЛО СЕНЬКИНОЙ ЖИЗНИ

Сенька, стрелецкий сын, рос под материнской строгостью и заботой.

Рос парнишка не как все — тянулся не в ширину, не в вышину, а как-то вперед и назад. Иногда думали, что будет с горбом. Кости лопаток выдвигались вперед, оттого было холодно спине без опояски; если же Сенька опоясывался высоко, под грудью, то мать била его:

— Вяжи пояс по чреслам, как святые отцы опоясывались... не немчин ты, сын стрелецкий!

Сенька не знал, кто такие святые отцы, но уж не любил их и боялся: «А как они к матке в гости придут?»

— Нелепые у тебя, парнишка, руки, ниже колен висят, персты тоже будто у матерого стрельца, — говорил Лазарь Палыч, оглядывая сына, особенно когда был старый стрелец во хмелю, но про лицо белое, будто девичье, про кудри на голове Сеньки и глаза ничего худого не сказывал.

Сенькин отец, Лазарь Палыч, был пеший стрелец, белокафтанник Полтевского приказа, старший брат Сеньки — ездовой стрелец¹, и Сеньке по роду быть в стрельцах. Голова уж не раз говорил Лазарю, чтоб Сеньку записал в приказ, но Лазарь Палыч медлил. Сеньку часто тянуло убежать из дому куда глаза глядят, да и мать, Секлетя Петровна, за ленивую молитву била, да еще и Лазарь получал еду за караул в Кремле натурой, не вареную — Сенька носил каждый день ему обед и сткляницу водки. Мать, отпуская Сеньку к отцу, наказывала:

— Хмельное пущай пьет с опаской!

Тать² после еды делался добрее, тогда Сенька его спрашивал о татарских послых, он видал, как татары, выходя от царя, за пазухи пихали дареные кубки и чаши:

— Тать, почто поганым еще кубки дают?

Тать, оглянув посторонь, чтоб кого не было близ, сказывал:

— За те чаши с халатами вольность свою продают...

— Тать, а почто поганых иным путем, да в другие ворота пускают... не в те, отколь в Кремль заходили?

— Экой ты у меня зоркий!.. А чтоб в Кремле были, да дороги прямой не ведали...

— А почто их за городом держат? В город за караулом водят? — И боялся Сенька, тогда он пятился от тятя.

Тать кричал на него:

— Пшел, дурак! Много знать будешь.

Сенька опасался и никогда татю не говорил, что, когда шел в Кремль с едой, на него насакивали посадские ребята скопом, навалом... Сенька их бил; а когда лез в драку и кто большой — Сенька и больших бил. Про драки Сенька матке Секлетее тоже не рассказывал, боясь, думал: «Слушать в Кремль не будут».

Видал Сенька за городом, как послы татарские на коней вскачут. Вскочит поганый, подогнет ноги, стремена-то короткие, и с глаз долой — ни коня, ни всадника, только пыль пылит.

Сеньке хотелось нарядиться в такой халат, нахлобучить островерхую шапку, вздеть за спину саадак с колчаном да лук с тетивой и ускакать с погаными куда придет. Рос мальчишка в шумное время, когда Москва с пригородом гудела как борть³ пчелиная. Все говорили, и Сенька слышал:

— Никон-патриарх веру изломил!

Матушка Секлетее Петровна у икон в углу шепотом ежедень прокинала Никона, а поминала с молитвой какого-то Аввакума.

Не на шутку ленив был к молитве стрельчонок, и за то матушка тонким батогом трудилась над ним поутру и вечером, но Сенька рос быстро — скоро его так растопырило на стороны, что матери между ног влезать не стал, тогда matka стала докучать татю:

— Побей ты его, Лазарь Палыч!

Лазарь Палыч — черная борода с проседью легла ниже груди и на Никона, изломившего веру, дородностью лика схожий, — отнекивался:

— Буде того, Петровна, что ежедень в Кремле на козлах зрю чужие зады — кого за дело, а кого и так бьют. Добро будет, мне время не сходится, сведи-ка его, лиходельницу⁴, на Варварский крестец, азам учить... старшего обучил, этого мысля против того же. Там и побьют. Без боя наука не стоит.

Суров видом отец был, но любил Сеньку, а когда во хмелю, так и гневался за одно дело: Сенька звал его вместо тятя — тать.

— Чего брусишь⁵, песий сын? Вразумись!

— Лгешь, тать, я сын стрелецкий.

— Ты рассказывай! Я стрелец?

— Стрелец, тать!

— Ты ведаешь, что тать — это грабежник, а я что, хищением чужого живу?.. — И называл Сеньку лиходельницей.

Тут уже за Сеньку вступалась Секлетей:

— Хозяин! Лазарь Палыч, почто парнишку лаешь?

— Пушай закинет татем брусить!

— Недоумок еще он!

— А ну, сведи к мастеру — там в ум придет, когда на горох в угол поставят.

Из упрямства или из привычки худой Сенька продолжал отца называть татем. Лазарю некогда было заниматься сыном. За плетью он не привык браться, шибко боялся убить, и жену свою Секлетей, против того как другие делали, стрелец никогда не бил. Да и служба у Лазаря Палыча была в служилую неделю маетная, а в свободную Лазарь в лавке стоял на торгу.

Утром, до свету встав, едва успевал Лазарь по конюшням пройти, по хлевам и, как хорошие хозяева делали, лошадей, коров покормить куском хлеба из рук, а уж время пришло, надо в Кремль в караул идти.

Старший сын Лазаря, ездовой стрелец, коему боярские дети даже завидовали, натянув на плечи малиновый кафтан, цветом похожий на кафтаны приказа Головленкова, раньше отца выбирался на службу, зато в Стременной полк⁶. Провожал Петруха, сын Лазаря, царицу на богомолье, а то и послов каких нарядят встретить. Шел Петруха по службе впереди отца: полк Лазаря был вторым, а Петрухин — пятым, и все потому, что грамотен Петруха, лицом пригож и телом и силой удался в Лазаря. Немало в свое время денег Лазарь мастеру за Петрухину учебу передал да съестного к праздникам короба большие. Сеньку Лазарь любил и думал: «Надо обучить, денег не жалеть на детище!»

— В рост не идет парнишка! — докучала Лазарю жена.

— Под твоим шугаем⁷ чего вырастет; ужо как выберется, потянется, — отвечал Лазарь, а Сенька все же рос только взад, вперед, да еще стало его распирать на стороны.

— Что бы ему горой расти, а то кучей идет! — сокрушалась Секлетей Петровна. Она решила найти знахарку: — Пушай в бане его попарит.

Мать рано, еще до свету, повела Сеньку к мастеру.

Пришли, долго на образа молились, после того низко кланялись на все стороны. Потом мать Секлетей Петровна рядилась с мастером да расспрашивала, как будет учить. Наконец мастер, трясая

полами мухоярового потертого, рыжего с полосами халата, ответил сердито:

— День начался неладно! Заместо мужа забрела женка — должно, некрепко ее хозяин держит, что доверил единородного сына вести наукам обучать. А перво начнем с того, что паренек до наук уж, поди, неохочий — велик ростом... еще год минет, его не учить, а потребно будет женить... ты же того не разумеешь — не всяк мастер за сие дело учебы большого возьмется...

Мать не отставала, рядилась с упором. Мастер махнул рукой, от него пахло водкой:

— Да не торг у нас! Ну, пушай учиться за гривну в год и три чети ржи... К часослову перейдем, тогда мастеру принесешь горшок каши, гривну денег, да в дому твоём молебен чтоб пели...

Мать ушла, перекрестив Сеньку.

— Такого и бесу не уволокчи — не крести, не бойся... — проворчал мастер.

В углу у образов замигала восковая свечка. Мастериха, румяная, толстая баба, громко икая, зажгла эту свечку, боком глядя на образа, перекрестилась, уходя к себе в повалушку⁸, сказала мастеру:

— Козел худой! Чула я, что ты рядил? Учить ведь надо такого жеребца.

— Иди, не мешай, Микитишна! Поучу — накинута... вишь, стрелец с парнем наладил женку; с баб много не уторгуешь... разве что насчет... — Он пьяно подмигнул.

— Тьфу ты, козел худой!

Все ученики, их было шестеро, встали на молитву, в один голос пели «Отче наш», после молитвы еще громче и не крестясь тянули славословие розге:

Розгою детище Дух Святый бити велит,
Розга убо мало здравью вредит,
Розга разум во главу детям вгоняет,
Учит молитве и злых всех встягает,
Розга послушны родителям дети творит,
Она же божественному писанию учит,
Розга аще бьет, но не ломит кости,
А детище отставляет от всякие злости...
Розга учит делать вся присно ради хлеба,
Розга детище ведет вплоть до неба...
Вразуми, правый Боже, матери и учителя
Розгою малых детей быть ранители.
Аминь!

Ученики расселись за длинный стол на скамью. Учитель поместился в конце стола на высоком стуле. Ноги упер в низкую подножную скамью. С мастером бок о бок за столом возвышалась горка с грязной посудой — ученикам она казалась иконостасом, так как на горке лежала книга, именуемая «Азбуковник», в ней поучение всяким премудростям. «Азбуковник» давался ученику лишь в конце учебы за то, что ученик грамотностью доходил почти до самого мастера. Когда мастер сел на стул, Сенька заметил у него за пазухой две вещи: посудину с вином и плетъ.

«Эво, он чем учит, мочальная борода», — подумал Сенька.

Потирая руки, усевшись, мастер крикнул:

— Женка! Эй! Микитишна! Принеси-ка нам для борзого вразумления стрекавы!⁹

За приотворенной дверью повалуши побрели шаги, они скоро прибрели обратно: мастериha принесла большой пук крапивы, кинула под ноги мастера, на руках у нее были замшевые рукавицы.

— Иршаны¹⁰ кинь тут! — приказал мастер.

Мастериha сбросила рукавицы на пук крапивы и еще раз покосилась на Саньку. Сеньке показалось, что она улыбнулась ему.

«Чего толстая ощеряется?» — подумал Сенька. Вынув посудину, мастер потянул из горлышка, закупорив хмельное, сказал, кладя за пазуху сткланку:

— Благословясь, начнем!

Ученики, кроме Сеньки, торопливо закрестились. Все раскрыли исписанные старые буквари.

Вдвинув глубже за пазуху посудину, мастер оттуда же выволок ременную указку, она-то и показалась Сеньке плетью.

— Детки-и! Очи долу — зрите грамоту... — Помолчав, мастер прибавил: — А-а-а-з!

— Аз!

— Аз, — повторили ученики. — Буки-и, ве-и, глаголь!

— Сия есть первая буква, именуемая «аз»! Что есть «аз»?

— Сия первая буква!

— Та-а-к! Сия первая буква знаменует многое для души христианина... Означая сие многое, переходит в букву «буки»... в букву «есть» и «мыслете»! «Аз есмь Господь Бог твой...»

— Аз Господь твой!

— Аз есмь Господь Бог твой!

— Аз есмь Господь твой!

— Бог, Бог твой — истинно! И тако сие определяется: уразуметь должны — где же сие изречено суть?

Ученики молчали.

— Сие изречено суть в заповедях господних, данных Моисею на горе Синае.

— Сие изречено на горе Синаю!

— Ну, лги дальше!

— Данных горе Синаю!

— Гнев божий на меня за вас, неразумных и малогласных, ибо уды мои от трудов великих тяжки, а надобно первого лжеца стрелковой вразумить... Ну же, отыди нечестивый, мало внемлющий учителю, на горох пади в углу. Ты иди! — указал кожаной указкой учитель.

Ученик отошел в угол и медленно опустился на колени. Учитель пьяно воззрился на ученика:

— Прямись! Не гни хребет! — Он сердито пошлепал кожаной указкой по столу.

Переминаясь коленями, тонявый ученик в белом кафтанишке мялся и вытягивался в углу. Мастер говорил:

— Сей упряг благословясь рассудим о букве «добро»! Что есть «добро»?

Ученики молча ждали. Помолчав и приложив палец ко лбу, учитель продолжал:

— Буква «добро», пятая по счету, есть буква великая, а тако — с прилежанием молити Бога — добро! Ходити в церковь Божию, внимати службе и поучению божественному — есть добро! Почитати отца и матери своих — добро! Чести молитвы, а тако — первая молитва за великого государя нашего Алексия Михайловича и его государев светлый род — добро! Вторая молитва — за святейшего патриарха всея Руси, за великого иерарха, отца церкви нашей, от грек приемлемой, Никона — добро велие! Ведомо мне, — продолжал мастер, вновь потянув из посуды, — что все вы дети стрелецкие альбо посадские и, ведомо, стрельцы — потатчики Нероновой и Аввакумовой ереси¹¹, проклятой собором российских и греческих иерархов, и добро ваше, дети мои, наипохвальное, когда станете доводить мне о родне своей — как отцы ваши и матери, молясь Богу, персты слагают... двуперстно альбо по-иному?

Мастер поник головой к столу. Очнувшись, сказал, икнув:

— Фу, утомился аз! — потряс головой, отгоняя сон, и прочел без книги стихиру в поучение:

В дому своем, от сна восстав, умыйся,
Прилунившегося плата концом добре утрися.
В поклонение святым образам продолжися,
Отцу, матери низко поклонися...

Мастер поднял руку с ременной указкой и повысил голос:

С трепетом к учителю иди,
Товарища веда,
В дом учебы с молитвой входи,
Тако же и вон исходи!

Грузно поднявшись, мастер запел молитву, ученики, поглядывая на его фигуру, вторили пению.

Когда от мастера парнишки вышли и побрели грязными улицами, скользя на поперечных бревнах, накиданных там и сям, иногда упираясь коленями, цепляясь руками, перелезали рундуки, проложенные к соборам, то на лицах их, на плечах тоже, как бы лежала тяжесть учебы пьяного учителя, только Сенька шел бодро — он ничего не боялся. Мать перестала его бить, отец никого не бил, про мастера Сенька думал: «Худой, пьяной... полезет, так сунуть его кулаком в брюхо — отвалится... ежели погонит, то бес с ним, неладно учит — татя с маткой велит доглядывать...»

Все пробирались к Замоскворецкому мосту. Трое ребят жили за Кремлем в Слободе, они убрели в сторону. С Сенькой в Замоскворечье идти остались двое. Все трое были стрелецкие дети, кафтаны на двоих длиннополые, новые, набойчатые, на Сеньке — кафтан торговый, мухояровый, сапоги иршанные¹², их Сенька любил марать в грязи, оттого что становились тесны.

И только лишь перешли парнишки мост, как из-за бани, недалеко к кабаку цареву от ларя, где лежали веники, вышли навстречу им два рослых парня в улядах¹³, привязанных к онучам, в протертых на грудях кафтанах.

— Гей, ходячие буквари со Спасского моста, стой!

Сенька сказал:

— Почто?

— Стой! А то зарежу.

Двое ребят встали, Сенька пошел.

— Ты чего же, песий сын?!

— А лжешь — я стрелецкой!

— Мне хучь боярской, ище лучше, скидай кафтан, убью! — Большой и грязный дернул рукавом, в рукаве был нож.

— Лихие? А ну!

Лихой взмахнул ножом, Сенька, сдвигая рукав к плечу, увернулся, ударив лихого кулаком в грудь.

— Че-е! — охнул лихой и попятился, уронив в грязь ножик.

Сенька шагнул на него, ударил еще в лицо и грудь — лихой упал.

— Надо скоро! — Он кинулся к другому, схватил лихого поперек туловища, подняв, повернул в воздухе так, что с ноги у него сорвался опорок, отлетел, а Сенька сунул лихого шапкой в грязь.

Парнишки дрожали, плакали, они были полураздеты, кафтаны валялись на дороге.

— А ну — оболокись! — Сенька стал им помогать одеться.

Лихие не насакивали, не до того им было, — один искал нож в грязи, другой наглядывал опорок. Когда нашли свое, и даже не погрозив Сеньке, отошли к ларю. Тот, с ножом, громко сказал, плюнув:

— Лез на теленка, попал быку на рога — черт!

Другой, бороздя по лицу рукавом, утираясь, ответил:

— На больших пошли, да с малыми не управились...

— Черт с ними! Другой хабар¹⁴ найдем!

Сеньке хотелось избыть молитву дома. Матка, как придешь, в угол поставит: «Молись!» Он, проводив парнишек по мосту, вернулся к Кремлю и, обойдя его, пошел в сторону Слободы. Остановился Сенька, услышав крики, обогнул тын Протопопова дома, за углом увидал большой народ. Люди кричали, подымая кулаки, грозились. Женки были тоже, те пели молитвы. Молитву покрывали матюги. Люди собрались посадские да мастеровые Колокольного и Кузнечного ряда, блинники, калашники также. Все они напирали на стрельцов. Стрельцов вел площадной подьячий¹⁵, у него с пояса сорвали медную чернильницу с пером и в грязь утоптали.

В стороне, опершись на бердыш¹⁶, стоял отец. Сенька к татю своему не подошел: службу ведет.

Подьячий, поправляя колпак, надувая красное лицо, закричал татю:

— Эй, служилый! Чего зришь, не поможешь?

— Не мое это дело! — гукнул тать. — Я из Кремля с караула иду!

Люди оттесняли стрельцов от высокого попа, он, в черной камилавке, надвинутой на самые глаза, с лицом, замаранным грязью, кричал время от времени, и голос из него шел, как из медной трубы:

— За веру отцов и дедов! Ратуйте, детушки! Разгоним антихристовых выроdkов! Ужели не разгоним?! Да один я угнал семь

скоморохов, бубны им изломил! Ратуйте во имя Иисуса за шести-конечный крест противу латинского креста!

Сенька видел в правой руке попа деревянный черный крест, высоко поднятый, в левой поп держал тяжелое кропило и так им махал, что двенадцать стрельцов не могли с попом совладать. Сеньке хотелось подраться, но он не знал, за кого идти: за попа или стрельцов, и еще тать в виду... Подьячий привел стрельцов, много их было, они навалились на попа, сбили с ног. Поп глухо, как из бочки, бубнил, когда его распластали в грязи:

— Добро же! За волосы волокут, Никоновы доброхоты... ребра ломают! Так-то нам за веру Иисусову...

Толпу разогнали. Попа привязали к телеге вервями.

Сенька заспешил домой, сторожа запирали по городу¹⁷ решетки. Когда он пришел, то мать, Секлетей Петровна, заставила умыть руки и стать на молитву.

«Чего боялся — на то налез...» — подумал Сенька, но скоро кончил молитву — пришел тать и брат Петруха, а с ними приволокся хромой монах.

— Будь гостем, отец Анкудим! — сказал тать.

— Спаси, сохрани... укрыли от темной ночи, от лихих людей. Можно на Иверское мне на подворье¹⁸, да там перекрой идет...

Брат Петруха, ставя мушкет в угол, спросил:

— Нечто ты их боишься, лихих-то? Что с тебя, святого, содрать!

Тать сказал:

— Не святой! Чего грешишь! Был купец, государев акциз¹⁹ утаил, а за то на Ивановой на козле бит кнутом²⁰ дважды...

— То, Лазарь Палыч, горькая правда! Животишки мои до едина пуха отписали на великого государя²¹...

Все помолились и сели за стол.

— Ну и дело у тебя, я чул, отец, было с протопопом...

— Дело, Пётра, дело — колесом задело... не мое-то дело — я глядел только, как бились стрельцы иного приказа...

— Поди, теперь далеко угонят Аввакума?

— Ковать зачали да за приставы взяли, чай, не близко утянут.

— Ой, бедный, ой, страдалец! — сказала мать и перекрестилась.

— Молились бы по старине, спаси, Богородице, а то, вишь, Никон указал старые служебники жечь... Добрые хозяева, лют Никон и монасей не милует, величает бражниками...

Тать слушал монаха, зевнул, перекрестил рот:

— Гордостью обуян, аки сатана!

Мать отошла к печи, вернувшись, подала чашку щей.

— Чернцу — он ведь смиренник, — надо бы постное, — прибавил тать.

Монах замахал руками:

— Живу в миру... вкушаю, что сошлось: грех не в уста, из уст идет он.

— Тата, ешь да молчи больше, — сказал Петруха, — брусишь о патриархе не ладно.

— Ничего, Петруха! Анкудим на меня «слова государева» не скажет²².

— Ой ли?

— Много сродников моих Никон погубил, Богородице, храни — сам зол я... зол... мне ли с наветами на добрых людей идти?

Мать Секлетее к концу ужина сходила в подклеть. Сенька боялся подклети — там крысы. Принесла малый жбан пива. Кроме Сеньки, всем разлила пиво в оловянные ковшики. У монаха, видел Сенька, дрожали руки, он пиво плескал на скатерть, крестился, пил и наливал сам, а потом громко, будто себе, хмельным голосом заговорил:

— Иконы, мощи волокет на Москву... сие деет все чести для своей... уже изойдет от того Никонова велеумия зло велие — оле-о! Изошла когда-то неправда при деде царя Грозного Ивана ересь²³, жидовинами рекомая... Богородицу не почитали, креста животворящего не признавали же, а лаяли о кресте, что оный есте виселица...

— Ужели, отец честной, были таковые богохульники? — Мать Сенькина перекрестилась. — Спаси, сохрани!

— Были, хозяйюшка! Духа Свята чтили, яко кочета на нашесте...

Сенька спросил монаха:

— Дедо, а уж не с руками ли тот святой-то дух?

— Паси, Богородице! Тебе почто оное пытать?

— Да вишь ты! На учебе мастер нам чел стихиру — в ей сказано, что Святой Дух робят бьет розгой...

— Лазарь Палыч! Ты слышишь? Побей его хоша плетью...

Тать молчал, монах ответил матке:

— Хозяйюшка... не тронь молодшего! Ум в ем бродит.

— Вот и надобно худой умишко на место загнать — не сказывай лиха.

— Не я, учитель читал — мастер!

— И мастер тож богохульник.

— Жено! Хозяйюшка хлебосольная! Паси, Богородице, кто на Руси под боярином ли, воеводой и патриархом стоит, тому боя не мино-

вать. Сыщет молодой — коли в рост войдет... Бояр и тех бият, ежели государь повелит, недалек день, когда боярина у всех в памяти на Иванной на козле били за боярскую девку, что растлил он... Едино лишь царей не бият, а главу и им усекают.

Тать поднял кулак, крепко ударил им по столу, аж суды все заговорили:

— Анкудим! Ни слова боле... — Тать глянул к узкому окну. — Ладно, что из подклети повалушу соорил, окон великих не нарубил, а то зри, кто ушами водит по подоконью... нам, чернец, чести мало за тебя на дыбе висеть!

— Спаси, спасе! Прости, Лазарь Палыч, Христа для — с хмеля язык блудит! Дай за слово твое укоротное в землю тебе постукаю... дай!

— Сиди! Скамью свалишь... пей во здравие и не бруси кое не к месту.

— Не лгу я, хозяин, — истину поведал...

— Такой истины о государях не рони в народ, а мы с Петрой на тебя не доводчики...

— С попами, хозяин, нынче заварен великий бунт... Спаси, не разросся он, разрастется, когда попов широким вверх постаноят... Укажет патриарх попам читати служебники новые, а они и по старым едва бредут! В Иверском-Святозерском²⁴ нынче их печатать зачинают, старые книги жгут... Дионисий-архимандрит и иные старцы главу повесили, торопко посторонь глядят, кто по вере идет постригаться, пытаются — грамотной ли? Ежели грамотной, то постригают, не свестясь с Макарием-митрополитом... во-о!

— Вот это, чую, правду ты сказал — нам, стрельцам, много дела будет, как ныне с Аввакумом... во Пскове, чул²⁵, воры шевелятся, в набат бьют, а звон тот катится до Новгорода... Ну, буде! Тебе, я зрю, Секлетей моя Петровна лавку устрояет со скамлей, нам с Петром пора тож... Петр в горнице спит, я же в клети, где родня моя пиры водила, а ты уж внизу заусни...

Сенька долго не спал, слышал, как пьяный монах бормотал во сне да матка поминала Аввакума, шептала молитвы. Парнишка думал: «Матка не бьет — силы мало... Тать едино что грозит... Татя, матери не боюсь, а грамоты страшно... Утечи бы с этим монахом в монастырь, там, сказывают, чернецы живут ладно... вот как только... каковы святые отцы? Они в монастыре, мыслить надо, водятся...»

С тем парнишка и уснул.